

Глава 14

Лицо Харэ то белело, то зеленело — он стоял на месте как вкопанный. Двое в дверях смотрели на него: один с недоумением, другой с нескрываемым презрением.

Тот, что с презрением, приподнял бровь:

— Первый раз на задание? Поджилки трясутся?

— Угу. Может, понесёшь меня на спине? — Харэ невозмутимо кивнул и даже развёл руки, изображая того, кто просится на закорки.

Харе: ну умора. Не признаваться же, что это Сукуна ноги отбил.

Наоя: чёрт возьми! Зачем я вообще это ляпнул?

Фукуяма:.....

Они мирятся, правда? Ведь так? Точно так.

Если отбросить надменность и презрение во взгляде молодого господина Наоя — он же только что от всего сердца беспокоился о товарище!

Настоящий сын великого клана — столь тактичный, столь мягкий, столь воспитанный!

А если не замечать закатанных глаз Харэ-куна — само по себе это желание честно признать страх и взглянуть ему в лицо уже достойно восхищения!

Только признав страх, можно его преодолеть!

К тому же он без стеснения обращается к товарищу за помощью — о, какая прекрасная связь между людьми! Какое трогательное товарищество! Какое...

— Хе, — Дзэнъин Наоя холодно усмехнулся, разрушив прекрасную картину, которую рисовал себе Фукуяма. — Ничтожество. Ползи на брюхе, раз ноги не держат.

Харе размял затёкшее тело, вышел в коридор и бросил вслед Наоя такую же усмешку:

— О, так хочешь видеть меня на четвереньках? Особые пристрастия?

Шагавший впереди по тёмному коридору человек чуть дёрнулся. Кончики ушей с чёрными серьгами мгновенно залились краской.

— Вульгарность, — бросил он, не оборачиваясь.

— Спасибо на добром слове, — рассеянно отозвался Харе, зевнул и поплёлся следом, с трудом разлепляя глаза. Если бы не задание — заснул бы прямо на ходу.

Фукуяма шагал последним и молча ронял слёзы.

Выйдя наружу, Харе обнаружил, что день выдался на удивление погожим: небо чистое, воздух свежий — совсем не то, что в подземной комнате без единого луча света.

Послеполуденное солнце — около трёх — ласково грело кожу. Он запрокинул голову, прищурился, потянулся всем телом — совсем как кот, разомлевший на припёке. Длинные бледные пальцы расцвели, раскрылись, как кошачья лапка, и с губ невольно сорвалось довольное:

— М-мм~

По словам Фукуямы, Харе просидел взаперти трое суток. Поскольку к нему никого не пускали, куратор приходил сам — еду и воду подавал через маленькое окошко в двери. Решили, что тот просто отказывается есть. Что он лежал без сознания — никто не знал.

Сам Харе почти ничего этого не помнил: потерял сознание почти сразу, как очутился там, а очнулся лишь с ощущением голода и вялости во всём теле.

Трое суток без еды — немудрено, что руки-ноги не слушаются.

Он особо не задумывался. Зато Сукуна, сидевший в нём, понимал прекрасно, в чём дело.

Не так давно он сам в этом убедился: мальчишка устроен особым образом. Он одновременно является проклятием и смесью проклятой энергии, насыщенной любовью, — и потому стоило Сукуне отведать его крови, накатывало нечто сродни действию приворотного зелья: непреодолимое желание слиться с ним. Вместе с этим желанием приходило наслаждение от проникающей проклятой энергии — сытость, блаженство, которых Сукуна, запечатавший себя тысячу лет назад, давно уже не знал.

Мальчишка был лакомством — и телесным, и духовным.

Сукуна отдался удовольствию сверх меры — вот мальчишка и ослаб: сила утекла вместе с кровью, стала пищей.

Но сам предмет этих размышлений ни о чём подобном не догадывался. Он безмятежно нежился у ворот школы, ожидая, пока Фукуяма подгонит машину.

Дзэнъин Наоя стоял рядом, сунув руки в карманы, с видом человека, которому до Харэ нет совершенно никакого дела — тот не заслуживает и полслова. Но вот тот потянулся, и откуда-то вырвалось это тихое, сонное, мягкое «м-мм» — Наоя нахмурился и покосился с раздражением.

На улице было куда светлее, чем в коридоре, и теперь всё стало отчётливо видно.

Синяки на шее Харэ. Укусы на ключице. На груди, видневшейся в воротах косодэ, — россыпь алых отметин и следы пальцев. Всё это в дневном свете бросалось в глаза.

Наоя мог даже угадать угол, под которым кусали, силу, с которой сосали, и то, как ладони ложились и блуждали по коже.

Наоя:.....

В карательной комнате кроме самого Харэ никого не было. Но следы выглядели свежими. Что это — жуткая история? Или там был заперт какой-то проклятый дух с техникой категории восемнадцать плюс, которого он попросту не заметил? Или же... это тайный метод допроса в школе магии, о котором не принято говорить вслух?

За несколько секунд в голове у Наоя мелькнул целый рой мыслей. Он даже принялся всерьёз взвешивать: а не следует ли клану Дзэнъин перенять подобную практику? Эффект, пожалуй, мог бы оказаться куда действеннее, чем бросать провинившихся в кучу проклятых духов.

Пока он обдумывал жизнеспособность этой идеи, взгляд его не отрывался от Харэ. Тот в конце концов не выдержал и обернулся с недоумением:

— Ну чего?

Дзэнъин Наоя встрепенулся, мгновенно вернув на красивое лицо привычное выражение лёгкого презрения. Скрестил руки, развернулся вполоборота с видом человека, которому до всего этого нет никакого дела, перевёл взгляд с уголка рта Харэ на ключицу и вдруг небрежно бросил:

— Тебя трахнули?

Само вырвалось — слишком грубо, — и лицо молодого господина запылало прежде, чем он

успел пожалеть о сказанном.

Харе:...больной человек.

— Молодой господин Наоя, с воспитанием у вас беда. В нашем доме подобных слов не говорят.

Харе не упускал ни единого шанса ответить колкостью. Сказал — и опустил взгляд, проследовав за его взглядом. В ту же секунду потерял дар речи и сам произнёс именно то слово, которое секунду назад счёл недопустимым.

Наоя:??? Это он мне ещё воспитанность читает?

Харе:.....

— Это от драки, — произнёс он с максимально возможным спокойствием, натянул ворот повыше и выдал первое, что пришло в голову.

Как раз подъехал Фукуяма. Они сели в машину и без лишних слов добрались до места. Успели на последний паром, отходивший к острову в тот день.

На берег ступили в час заката. Море и небо затопил сумеречный синий. Харе страдал от морской болезни и мёрз: остров находился близко к Хоккайдо, и апрельский воздух здесь стоял куда холоднее, чем в Токио. Одет он был слишком легко; по дороге успел перехватить лишь один онигири. Брёл за Наоя, обхватив себя руками, — жалкий, точно обиженный.

Деревенский староста прибежал встречать их, с ходу сосредоточившись на Наоя — Харэ едва удостоил взглядом. Решил, что это слуга молодого господина. Правда, уж больно смазливый.

Потом заметил следы на теле Харэ и перерешил: грелка для молодого господина. Вот почему такой хорошенький. И по своему разумению поселил обоих в одной комнате.

— Устали с дороги, господа, — с заискивающей улыбкой, склонившись, говорил он Наоя. — Отдохните сегодня, а завтра...

Харе забился в угол к обогревателю, уткнулся в материалы по заданию, которые дал Фукуяма. Через некоторое время поднял голову и с удивлением посмотрел на старосту.

Странно. По дороге казалось — дело срочное. А этот выглядит совершенно безмятежно.

Из материалов следовало: на острове один-единственный посёлок. Жители промышляют рыболовством — живут небогато, но с голоду не умирают. Соседи перезнакомились ещё несколько поколений назад: давние связи, почти родственные.

Год назад в деревню наведалься молодой скупщик древесины — приехал как турист. На склоне горы наткнулся на рощу палисандра, принадлежавшую общине, и предложил старосте хорошую цену. Дерево это любит свет и тепло, обычно растёт в куда более тёплых и влажных краях — слухам поначалу не верили. Продали одно дерево, для пробы. Скупщик расплатился без лишних слов, вскоре вернулся за следующей партией. Деньги разделили, вкус удачи понравился, и мысли всей деревни сосредоточились на роще.

Решив, что палисандр прижился на острове по воле богов, жители устроили на горе молельню для Кодама-гами — лесного духа — и молились ежедневно, прося даровать деревьям рост и силу.

Так прошло больше полугода — тихо и мирно. А месяц назад один из жителей вдруг переменялся: спокойный и добродушный прежде человек сделался невыносимо раздражительным, стал распускать руки. Ночью его укладывали в постель — а наутро обнаруживали на берегу реки, где он и простоял до рассвета.

Деревню охватил страх. Перепробовали все обряды изгнания нечисти — без толку. Через семь дней тот человек бесследно исчез. Зато в горной роще появилось новое дерево — причудливое, очертаниями напоминающее человеческую фигуру.

Ещё страшнее было другое: людей, ночующих стоя у реки, становилось всё больше.

Это звучало как чья-то техника.

Возвращаться в школу — к папе и маме — Харе был намерен как можно скорее. Откладывать не стал.

Поднялся, порылся в шкафу, вытащил тёмное хаори, набросил на плечи и решил для начала осмотреть рощу: если здесь проклятый дух — следы проклятой энергии будут. От его глаз такое не скроется.

Когда деревенский староста ушёл, Харе не заметил. Он уже взял бумажный фонарик и направился к выходу — но в дверях стоял Наоя.